

«Психика» или «психическое тело» человека?

А.А. Мелик-Пашаев

доктор психологических наук, заведующий лабораторией психологических проблем художественного развития Психологического института Российской академии образования

В статье обосновывается понимание психики как «психического тела» человека, не тождественного ему самому, в котором общие, объективные психологические закономерности телеологически преобразуются и индивидуализируются, реализуя внутреннюю активность человеческого Я. С этой точки зрения рассматривается причина отчуждения общей психологии в традиционном ее понимании и психологии личности с ее духовно-практической направленностью, обсуждаются принципиальные отличия их предмета и методов, а также возможности их взаимодействия и взаимообогащения.

Ключевые слова: психическое тело; общая психология; психология личности; «Я» и «Мое»; иноматод; причинная логика и телеология; детерминация и свобода.

Несколько лет назад на заседании ученого совета Психологического института прозвучала мысль, может быть, не такая уж неожиданная, но остро сформулированная видным исследователем: психология личности живет сегодня как бы в своем измерении, независимо от «психологии процессов». То есть, добавлю от себя, независимо от главного направления общей психологии, на котором накоплен неизмеримый научный материал. Этому авторитетному суждению Н.И. Чуприковой то ли вторит, то ли оппонирует голос с другой стороны разделенной территории: «За рамками объективной психологии остается внутренний мир личности» [13, с. 23]. И это не единичное мнение Т.А. Флоренской: к нему присоединились бы многие педагоги-воспитатели, консультанты, терапевты, исследователи сферы «духовно-практического» в широком смысле слова, трудам которых «академическая» психология склонна отказывать в статусе научности.

Сама проблема, впрочем, далеко не нова. Можно даже предположить, что она — почти ровесница научной психологии в современном ее понимании. У нас она в течение длительного времени, по понятным причинам, не могла обсуждаться, но ещё сто лет назад С. Франк так высказался по этому поводу: «...живой, целостный внутренний мир человека, человеческая личность, то, что мы вне всяких теорий называем нашей «душой», нашим «духовным миром», в них (в разветвлениях психологической науки того времени. — А.М.) совершенно отсутствует. Они заняты чем-то другим... Кто когда-либо лучше понял себя самого ... из трудов психологических лабораторий?» [14, с. 8].

Общие, объективные знания о психике и реальная внутренняя жизнь конкретного человека отчуж-

дены друг от друга. Каковы корни сложившегося отчуждения, и не связаны ли перспективы развития психологии с его преодолением? Рискну поделиться самыми предварительными, эскизными соображениями по этому поводу, ясно сознавая, что каждый выдвигаемый тезис мгновенно «обрастает» множеством вопросов и возражений, большинство из которых в рамках этой статьи нельзя не только обсудить, но даже упомянуть.

Начало этим размышлениям положило событие повседневной жизни, внезапно высветившее тайную глубину человеческого существа. Старая и больная женщина, которая с трудом могла уследить за развернутой речью других, а сама давно обходилась несколькими нечетко произносимыми словами, начала день за днем, а точнее — ночь за ночью, в так называемом просоночном состоянии, внятно, логично и свободно говорить о различных сторонах культурной и общественной жизни того времени. В том числе и о тех, которые в прошлом лежали, казалось бы, на далекой периферии ее сознательных интересов. Просыпаясь, она вновь оказывалась пленницей суженного сознания, затрудненной и скудной речи.

И становилась почти осязаемой нетождественность человека и его отслужившего организма, изношенного физического тела, с которым он как будто составлял одно целое, пока оно служило проводником его сознания, адекватно выражало его внутреннюю жизнь, послушно осуществляло его намерения. Скажу даже так: проявлялась нетождественность тела — и «того, кто в нем живет». Обветшание телесного организма, которое мы склонны принимать за угасание и исчезновение самого человека, в этом (уверен, далеко не единичном!) случае засвидетель-

ствовало обратное: непроецируемость, субстанциональность, онтологическую прочность человеческого Я, которое не исчезает, даже не терпит ущерба само в себе, но словно скрывается за непрозрачным пологом обветшавшего физического тела; теряет возможность произвольно и постоянно проявляться на физическом плане действительности. (Предполагаю, с помощью каких привычных объяснительных схем можно при желании защититься от этой догадки, но в рамках данной статьи не имею возможности предпринимать дискуссию на подобную тему.)

Если отстраниться от ошеломляющей очевидности непосредственного опыта, мы, пожалуй, не найдем в описанном событии ничего такого, что на уровне здравого смысла и повседневного самосознания опрокидывало бы наши представления о человеке. Кто не согласится, что реальный человек, с которым мы общаемся, окликаем по имени, считаемся с его характером, угадываем его неповторимую внутреннюю жизнь, *не тождественен и не равен своему телесному организму*? Тем более это несомненно в отношении самих себя. Для большинства не составит труда провести такой мысленный эксперимент: представить себя как бы не заключенным в собственном теле, вне места и времени его пребывания. Речь идет не о каком-то экстраординарном мистическом опыте, а лишь об *осознании* того, чем все мы занимаемся постоянно и произвольно, мысленно перемещаясь во времени и пространстве. Эта способность, которую мы даже не замечаем, поскольку без нее вообще немислим человеческий способ существования, подтверждает тезис выдающегося философа и психолога Н.О. Лосского [8] и ряда других мыслителей о *вневременной и внепространственной* сущности человеческого Я, со всеми вытекающими из этого философско-антропологическими, да и чисто психологическими последствиями.

Нетождественность, о которой идет речь, не только подразумевается повседневным сознанием, не только постулируется религиозными и философскими доктринами всех времен и народов, — она давно «прописана» и в психологии. Так, уже У. Джемс различал в человеческом сознании две составляющие: «Я» и «Мое», и в область «моего», наряду с добрым именем, детьми, произведениями включил и «мое тело» [3, с. 80–81]. (Сложные и в большой степени терминологические вопросы, связанные с различием в работе Джемса «эмпирического» и «чистого» его, соотнесения первого из них с понятием «личность» и т. д. мы сейчас не будем затрагивать.)

Утверждением несовпадения «Я» и «Моего», а также их иерархического отношения пропитана повседневная речь. Ее бытовой, как бы не обязывающий к точности, характер не должен заслонить психологической реальности, которая в ней «выговаривается». Мы говорим: «*моя* рука», «*мой* организм», «*моя* группа крови», не обращая на этот *незаменимый* оборот речи и малой доли того внимания, которого он заслуживает. Такой оборот просто *не мог бы возникнуть* в человеческом сознании, если бы само

оно было порождением организма, выполняющим некую отражательно-приспособительную функцию. То есть, если бы изначально *оно, самосознающее Я, принадлежало телу*, а не наоборот. Значит, при всей неотделимости живущего человека от телесного организма, при всей эмпирически очевидной зависимости от него, человек относится к нему как к *своему*, интуитивно позиционирует себя как его «хозяин».

Больше того: человек в значительной мере является и его ответственным *автором*. Мы ведь не просто движемся в русле и в пределах природных, от нас не зависящих особенностей организма, но постоянно строим, создаем его: стихийно — самим образом жизни, целенаправленно — режимом питания, упражнениями, укрепляющими те или иные группы мышц и т. д.; созидательно или, напротив, разрушительно воздействуем на него. Мы делаем его избирательно пригодным (или непригодным) для определенного образа жизни, определенных нагрузок, для решения тех или иных задач, насквозь индивидуализируем его.

Тело атлета и тело аскета с их физическими, биологическими, динамическими особенностями и возможностями — не объективная данность, не следствие разворачивания генетических программ (которые, конечно же, «в снятом виде» реализуются в каждом конкретном случае); это внешнее выявление духовно-психологического облика хозяев и авторов этих тел, их личностного выбора, их представления о цели жизни, об идеале человека. Яркий пример «авторской» деятельности по отношению к собственному телу (с моей точки зрения, гротескный и граничащий с абсурдом, зато очевидный и неопровержимый) — это бодибилдинг, «телостроительство».

«Авторство» человека распространяется, конечно, не только на внешнее строение или физическую выносливость тела. Существуют исследования, показывающие, что человек способен управлять показателями своей ЭЭГ [10, с. 25]; обширнейшие восточные практики посвящены целенаправленным «диалогам» человека с собственным телом, влияющим на текущие в нем процессы.

Опытный врач не отождествляет человека и его большой организм; он опирается на реабилитационный потенциал пациента, находит в нем союзника в борьбе с его же болезнью. Эти факты достаточно общеизвестны, чтобы более на них не останавливаться.

Итак, мысль о том, что человек нетождествен своему физическому телу, не вызывает отторжения; больше того: она помогает осознать то, что как бы само собою разумеется на интуитивно-практическом уровне. Сложнее обстоит дело с тем, что мы называем психикой. Вот как, например, характеризует предмет своей науки С.Л. Рубинштейн: «Специфический круг явлений, который изучает психология, выделяется отчетливо и ясно — это наши *восприятия, мысли, чувства*, наши *стремления, намерения, желания...*» [12, с. 12]. Казалось бы, все, на самом деле, «отчетливо и ясно». Но переставим авторский курсив с перечисления психических процессов на слово «наши», и обнажится главный вопрос: *чьи?*

«По умолчанию» мы склонны принимать, что совокупность *наших* восприятий, мыслей, эмоциональных реакций и т. д. — это и есть *мы сами*. Да и мысленный эксперимент, аналогичный предложенному выше, т. е. попытку представить себя вне и независимо от своей психики, осуществить куда труднее, чем в случае с физическим телом. Но человек не равен и не тождественен своей психике. Он также не является ее порождением и стоит по отношению к ней в той же позиции видимой зависимости и невидимого «авторства», как это имеет место в отношении тела физического. Поэтому будем в дальнейшем называть психику *психическим телом человека*.

Сказанное выше об отношении человека к своему физическому организму может быть отнесено и к плану психического. Мы можем плыть в неуправляемом потоке мыслей, ассоциаций, эмоциональных состояний, лишь поневоле сохраняя некую формальную самоидентичность Я. А можем ограничивать «степени свободы» своей психики подобно тому, как, согласно Н. Бернштейну, младенческий организм развивается путем ограничения бесчисленных степеней беспорядочной свободы движений [2]. Можем удерживать и переключать внимание; думать (или не думать) о том, о чем считаем нужным; сознательно вовлекаться (или не вовлекаться) в ту или иную цепочку ассоциаций, особенно — эмоционально заряженных; можем упражнять и специализировать память, учиться сосредоточиваться, медитируя на избранную тему, или, напротив, останавливать всякую мыслительную активность; приобретать опыт созерцания, опыт безоценочного наблюдения жизни, развивать способности и органы восприятия, не актуализируемые в повседневности — одним словом, овладевать и формировать все качества *психики как системы и органы своего психического тела*. То есть занимать по отношению к собственной психике творческую позицию «внезаходимости» (термин М.М. Бахтина, означающий видение предмета «извне» при сохранении внутреннего единства с ним, что позволяет творчески преобразовывать сам предмет).

Можем мы, по аналогии с физическим, и расстраивать «психическое тело», допуская атрофию «интеллектуальной мускулатуры», т. е. мыслительных способностей, притупление эмоциональной отзывчивости, или, напротив, неоправданно перенапрягая или придавая ошибочное направление своей мыслительной активности, эксплуатируя эмоциональность ради ложной цели, и т. п. Возможен и «психический бодибилдинг» — сомнительный с ценностной точки зрения тренаж «психической мускулатуры».

Чтобы признать описанные факты, надо лишь осмелиться посмотреть на самого себя как на свободное и целеполагающее Я, которое облечено «психическим телом», неотделимо от него, но и не тождественно ему, им не ограничено и не им порождено. И которое, под свою «авторскую» ответственность, произвольно и непроизвольно строит и модифицирует его, пропитывает и запечатлевает личностной

неповторимостью, приобщая, по выражению того же М.М. Бахтина, «к своей единственной жизни».

Во избежание недоразумений нужно оговориться, что мы лишь условно, ради внятности изложения основной мысли статьи, разделяем физическое и психическое «тела» человека. В реальности они, разумеется, неразрывны, изоморфны, взаимопроницаемы; они накладываются друг на друга; в частности — образуют, по удачному выражению В.И. Слободчикова, области «оплотнения психического».

Глубину их взаимопроникновения обнаружило и недавнее исследование английских ученых. Оно показало, что у шоферов лондонского такси, обязанных держать в памяти взаимное расположение огромного количества улиц города, увеличивались отделы мозга, в которых локализуется пространственная информация, причем эти изменения были тем значительнее, чем большим был стаж работы таксиста [11]. Заметим: активность человека направлялась не на мозговой субстрат, а на развитие профессионально необходимых качеств *памяти — органа психического тела*, а это вело за собой соответствующие изменения мозгового субстрата и поддерживалось ими. К аналогичным результатам ведут углубленные занятия музыкой и, скорее всего, любой деятельностью, на которую направлено то, что В.В. Зеньковский называл «внутренней активностью души» [5].

Поэтому в дальнейшем следует, наверное, говорить о разных «слоях», или уровнях, или даже степенях материальности единого тела, которое облекает собой и реализует внутреннюю активность души человека и в физическом, и в психическом планах. Но сейчас задача не в том, чтобы подбирать новые ключи к старой загадке различия и нераздельности психических реалий и материального субстрата, а в том, чтобы обосновать взгляд на психику как на психическое тело человека и указать на нетождественность этого тела и самого человека как *реальностей разного порядка*. А это имеет прямое отношение к вопросу, поставленному в начале статьи — о взаимном отчуждении «двух психологий» с их предметами и методами.

Известно, что понятие «общая психология» обычно не получает лаконичной и однозначной детерминации. Чаще всего им обозначают обширную, жестко не ограниченную территорию объективных, подтвержденных и подлежащих трансляции знаний о человеческой психике, которые сгруппированы вокруг проблем или процессов, признаваемых в данное время наиболее важными и существенными. Но если «общая психология» существует наряду с «психологией» как таковой и терминологически с ней не отождествляется, значит, предполагается и другая, «не общая», но тоже психология, какой-то другой полюс единой области знания о человеке. Попытки определить, т. е. *поставить пределы*, ограничить область общей психологии, обычно и начинаются словами: «общая психология — *один из разделов психологической науки*». Далее ее отличают от ряда специальных психологий, перечень которых со-

ставляется чисто эмпирическим путем, остается поэтому принципиально открытым и в некоторых словарях включает уже более сорока разделов. Но все они, по сути, представляют собой приложения к разным специальностям, сферам и ситуациям человеческой жизни тех же объективных закономерностей, которыми занимается общая психология. Поэтому, сколько бы их ни насчитать, они все вместе не смогут уравновесить общую психологию, стать ее диалектической противоположностью; планета психологической науки остается «однополярной».

Что же могло бы стать вторым полюсом, равноправной контрпозицией общей психологии? Первое, что приходит на ум — *психология индивидуального*. И это по существу верно, но установка научного мышления такова, что мы и тут сводим дело к приложению знаний, добытых общей психологией, пользуемся ее же методами. Индивидуальность редуцируется до совокупности *индивидуальных различий* по объективным и сопоставимым признакам, составляющим предмет исследований общей психологии. В результате неповторимая индивидуальность человека выступает как вторичный факт, как статистически неизбежный результат сочетания бесчисленных психофизиологических свойств и объективных средовых факторов.

Подчеркну: это не отрицание ценности самих исследований, а выяснение границ области, которую они могут или не могут осветить. Измерение совокупности признаков может иметь опосредованное значение для познания человеческой индивидуальности, но не есть «оно само» и его не заменяет. Подобно тому, как обмеры пропорций лица и тела не могут заменить цельный и живой облик человека, хотя что-то о нем говорят.

Так, может быть, назовем «необщую» психологию *психологией личности*? Ведь именно она, как говорилось в начале статьи, вступает в драматическое противостояние с «психологией процессов»! На это следует дежурное возражение: «психология личности — один из важнейших разделов *общей психологии*». На практике это похоже на то, что в мире бизнеса называют «недружеским поглощением». Исчезает принципиальное различие предметов исследования: о личности говорят не как о *человеке*, а как об *одном из элементов*, пусть даже главном элементе *психики человека*. И отводят личности одну из глав учебника: восприятие, мышление, эмоции, способности... личность.

Но личность как предмет исследования непреодолимо противится такой редукции, и существенная несоизмеримость элементов ряда, вопреки намерению авторов, тотчас дает о себе знать: несравненно меньшей внятностью и убедительностью изложения и самого определения предмета, отсутствием строгости и однозначности формулировок и терминов, доказательности и проверяемости утверждений, периферийностью экспериментальных «набегов» на территорию, в принципе не подвластную экспериментированию в привычном смысле слова.

Желание говорить о личности в контексте и стилистике традиционных проблем общей психологии неизбежно ведет к тому, что она предстает именно как *элемент психического тела*: как детерминированный объект в его «телесных», или вещных, а следовательно, измеримых характеристиках. В каких-то вспомогательных отношениях эти попытки могут быть полезны, но, выражаясь парадоксально, они схватывают в личности как раз то, в чем она не есть личность. В таких текстах человек себя не видит и не узнаёт, и (вспомним С. Франка!) едва ли обратится к ним, пытаясь разрешить свои действительно значимые, *личностные* проблемы.

Психология личности никогда не подружится с общей психологией, пока та будет считать ее одним из своих разделов и проецировать на человека — хозяина и автора своего психического тела — методы и критерии изучения *самого этого тела как такового*, стирая различие между «я» и «мое». Не подружится хотя бы потому, что психологии личности, существующей в сфере духовно-практического, имеющей дело с невыводной «внутренней активностью души», а значит — со свободой конкретного человека, даже самые доброкачественные безлично-объективные знания мало чем могут помочь.

Попытаемся отчетливо сформулировать, наверное, с определенным упрощением и некоторыми неизбежными повторами, основные, принципиальные различия «двух психологий» и их предметов.

Предмет общей психологии — психика как таковая, или, учитывая выше сказанное, теоретическая «модель» психического тела человека в его объективно-всеобщей форме. *Предмет психологии личности* — «хозяин» и «автор» психического тела, тот, кто внутри себя осознается как Я.

В первом случае цель исследователя — выявление общих законов (или, осторожнее, закономерностей) строения и функционирования психики и *детерминирующих* ее объективных факторов. Ученый работает в монологической позиции, в причинной логике и отвечает на вопросы «что», «как» и «почему».

Во втором случае цель — постижение *свободы уникального человеческого Я*, которое действует *по внутренней необходимости* (т. е. свободно), и прокладывает себе дорогу в условиях любых объективных воздействий, благодаря или вопреки им. И которое произвольно и произвольно модифицирует, индивидуализирует общую модель человеческой психики, создавая *свое психическое тело*. Ученый работает в позиции диалога, в логике цели, известной со времен Аристотеля как *causa finalis*, и ищет ответа, в первую очередь, на вопросы «кто» и «для чего». Психология с этой точки зрения — *наука о целестремительности внутреннего мира человека* [9]. В первом случае адекватны традиционные методы психологии, которую В. Дильтей назвал «объяснительной», включая построение и проверку гипотез, экспериментирование, повторяемость результата, стремление к его измеримости, и т. д. Психология в этом ее аспекте тяготеет к области *естественных наук*.

Во втором случае работают методы «описательной», или «понимающей», психологии, когда главное в «мощной действительности душевной жизни» постигается благодаря общности человеческой природы, внутреннего мира и душевного опыта людей [4]. Выдающиеся отечественные ученые С.С. Аверинцев и М.М. Бахтин обосновали понятие *инонаучности* как метода всякой *гуманитарной* науки [1], что созвучно давней мысли В. Дильтея, полагавшего, что создаваемая им описательная психология должна стать ядром всех наук о человеке.

Означает ли все это, что «две психологии» разделены пропастью и что им, подобно Западу и Востоку в стихотворении Р. Киплинга, не сойтись до самого Страшного Суда?

Удивительно — но обсуждаемая психологическая проблема была с предельной четкостью поставлена, если даже не решена Иммануилом Кантом задолго до рождения научной психологии как таковой. В труде 1798 г. он различает то, что делает из человека природа, и то, «что он, как свободно действующее существо, делает или может и должен делать из себя сам». С точки зрения «прагматической антропологии», рассуждение по поводу объективных законов, определяющих, например, деятельность памяти, — это, по Канту, бесплодные умствования, потому что сам человек остается при этом пассивным наблюдателем и все «должен предоставить природе». Если же он использует эти знания, чтобы усовершенствовать свою память (т. е. — скажем от себя — становится хозяином и автором своей памяти как органа психического тела и творчески, из позиции «внезаходности», преобразует ее), тогда это делается предметом прагматической антропологии, т. е. *практического человекознания* [6, с. 351–352].

Заметим: объективные знания тут не отрицаются, не обесцениваются, а, напротив, приобретают реальный смысл и ценность для человека, свободно реализующего себя в объективных условиях своего существования. Это чрезвычайно важно! Психологу бывает именно *психологически* трудно признать, что человеческое Я (личность, «субстанциальный деятель» и т. д. — различия терминов в данном случае не существенны) в главном не детерминировано объективными законами психики, которые он изучает; что оно не производно от нее (т. е. от своего «психического тела»), а, напротив, творчески владеет им, или, во всяком случае, как Кант и говорит в приведенном фрагменте, может и должно владеть; трудно согласиться с тезисом персоналиста: ничто из того, что обуславливает личность, ее не *определяет* [15]. Кажется, что, разжав тиски детерминизма, мы обеспечим громадные знания объективных законов психики, фактов психической жизни и сам научный метод, которым они накапливались. На самом деле речь может идти лишь об изменении точки зрения, интерпретации материала.

Позволю себе вольную аналогию. Разве, к примеру, ценность общих законов цветоведения и знания психологии восприятия цвета ставится под сомне-

ние признанием того, что художники, одновременно и следуя этим объективным, *общим* закономерностям, и трансформируя, подчиняя их себе, свободно, т. е. по внутренней необходимости воплощают *уникальные* колористические замыслы? По-моему, наоборот: эти области знания, которые сами по себе, согласно Канту, ничего не значат для «прагматической антропологии», обогащаются новым измерением и смыкаются с чисто личностной проблематикой творческой самореализации, в данном случае — в области живописи.

Подобно этому, осмысление психики как психического тела человека не предполагает отказа от каких бы то ни было данных науки, но оно связано с критическим осознанием и пересмотром некоторых установок, априори принимаемых аксиом и координат, с тем, что принято называть сменой парадигмы [7].

Нужно отойти (страшно сказать!) от исторически сложившегося и долго питавшего науку понимания психики как *функции высокоорганизованной материи* и как *субъективного отражения объективной реальности* (хотя и то, и другое *ограниченно верно* и при смене позиции *в снятом виде сохранится*). То есть отойти от понимания, чреватого неизбежной деонтологизацией психики, а с ней и человеческого Я, появляющегося из небытия «потом», как некий диспетчерский пункт отражательно-приспособительной системы организма (психики в привычном значении слова). А мы, задним числом, приписываем этой производной и зависимой инстанции возможности, полномочия и обязанности высшего порядка, которых у нее, в силу ее «выводной» природы, просто быть не может.

Что означают такие внутренне противоречивые формулы, такие «научные оксюмороны», как «опережающее отражение» или «активное приспособление», если не попытку выйти из теоретического тупика, де юре прописать в рамках «отражательной» парадигмы существующую де факто спонтанность, инициативность, «трансцендирующую» направленность человеческого существа? И тем самым сохранить право говорить о творчестве, саморазвитии, ответственности...

Предлагая понимать предмет, которым реально занимается общая психология, как «психическое тело человека», мы акцентируем нашу нетождественность и «авторскую» позицию по отношению к тому, что обозначается словом «психика». Сам этот термин как бы не противится отражательно-приспособительному его пониманию; а «психическое тело человека» — это нечто телеологически управляемое изнутри, орган самореализации внутренней активности души; при этом отражение наличной действительности сохраняется как *абсолютно необходимый, но подчиненный момент*. Психическое тело, или психический организм человека — не то, что порождает его как личность, Я, «субстанциального деятеля», а то, «в чем» и благодаря чему этот «субстанциальный деятель» существует и действует в плане психическо-

го — аналогично и во многом изоморфно тому, как он живет и действует в физическом плане благодаря своему физическому организму.

С этой точки зрения, в частности, такие привычные психологические понятия, как мыслительная деятельность, действие в уме, в идеальном, или внутреннем плане и т. д., нужно понимать буквально, аналогично физическому действию, жесту, поступку — и с той же мерой ответственности. Как говорил М.М. Бахтин, мыслить — значит поступать мыслью. (За этими утверждениями стоит тысячелетняя проблема онтологического статуса того, что мы называем психическим планом действительности, которая, конечно, не может стать предметом рассмотрения в этой статье. Равно как и связанные с ней проблемы психических аналогов анатомии и физиологии телесного организма, функциональных органов как органов психического тела по преимуществу и многие другие вопросы, уводящие нас в разные области знания, от медицины до богословия.)

Завершая изложение, выскажу надежду, что предлагаемый подход позволит наметить территорию, где исследователи всеобщей модели человеческой психики могут встретиться и вступить в диалог с теми, кто ищет постижения внутренней жизни уникальной личности.

Вступая на этот мостик с личностного берега, мы сможем увидеть и применить к себе данные психологии не просто как более или менее систематизированную совокупность объективных закономерностей, которым мы подчиняемся и к которым приспосабливаемся. Мы увидим психику как то, чем мы облечены, что мы телеологически преобразуем и индивидуализируем, одновременно и подчиняясь ее общим, объективным законам, и формируя ее как свое, уникальное психическое тело. И реализуем таким

образом «внутреннюю активность души», собственное внутреннее Я.

Подойдя к тому же мостику с «общепсихологического» берега, мы сможем увидеть предмет совокупных усилий ученых — общую модель человеческой психики «как таковой» — не как схему, полученную путем отвлечения от множества живых случаев, а как универсальное психическое тело Человека, потенциально способное и готовое облечь собою любую индивидуальность, внутреннюю активность любой души.

Увидеть не как «ничье», а как *всеобщее* психическое тело. Не как коллективную фотографию, на которой никто не запечатлен и никто не узнает себя, а скорее как универсальный мифологический и религиозный образ Всечеловека, в бесчисленных гранях которого каждый может найти и свое, потенциально присутствующее отражение. Не как номиналистическую общую схему, а как общее в реальном, от Платона идущем смысле.

Как замечательно сказал, если не ошибаюсь, Н.О. Лосский, «лошадь Платона (то есть идея-образ «лошади как таковой») не пасется ни на каком лугу». Но она существует, и именно поэтому существуют и пасутся бесчисленные лошади, в которых воплощается изначальный эйдос. Так и универсальная модель психического тела не воплощена ни в каком отдельном человеке, но каждый человек, осознанно или неосознанно, произвольно или непроизвольно, «самим собой» актуализирует одну из неисчислимых возможностей этой модели.

Вероятно, на этом пути наметится перспектива плодотворного взаимодействия научной психологии в традиционном ее понимании — с «инонаучной» психологией личности, с психологической практикой в разных ее аспектах, и далее — со сферой «духовно-практического» опыта в более широком смысле слова.

Литература

1. Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Бернштейн Н.А. Биомеханика и физиология движений. М.; Воронеж. Институт практической психологии, 1997.
3. Джемс У. Психология. М., 1991.
4. Дильтей В. Описательная психология. СПб., 1996.
5. Зеньковский В.В. Проблема психической причинности. Киев, 1914.
6. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1996.
7. Кун Т. Структура научных революций. М., 1997.

8. Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М., 1995.
9. Лосский Н.О. Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма. СПб., 1903.
10. Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб., 1997.
11. Наймарк Е. Увидеть мысль // Новый мир. 2010. № 11.
12. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. Т. 1. М., 1989.
13. Флоренская Т.А. Диалог в практической психологии. Наука о душе. М., 2001.
14. Франк С.Л. Реальность и человек. М., 1997.
15. Mounier E. Le Personnalisme. Paris, 1951.

'Human Mind' or 'Human Mental Body'?

A.A. Melik-Pashayev

PhD in Psychology, head of the Laboratory of Psychological Problems of Art Education, Psychological Institute of the Russian Academy of Education

The paper provides an understanding of the mind as of the 'mental body' of individual, the one that is not identical with him/her, but in which the general, objective psychological laws are teleologically transformed and individualized implementing the inner activity of the Self. From this perspective the paper explores the reasons underlying the estrangement of general psychology in its traditional sense and of personality psychology with its spiritual and practical orientations, reviews the fundamental differences in their objects and methods and the possibilities for their interaction and mutual enrichment.

Keywords: mental body; general psychology; personality psychology; 'I' and 'Mine'; 'other than scientific' method; causal logic and teleology; determination and freedom.

References

1. Bahtin M.M. K metodologii gumanitarnykh nauk // Bahtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M., 1979.
2. Bernshtein N.A. Biomehanika i fiziologiya dvizhenii. M.; Voronezh, 1997.
3. Dzhems U. Psihologiya. M., 1991.
4. Dil'tei V. Opisatel'naya psihologiya. SPb., 1996.
5. Zen'kovskii V.V. Problema psihicheskoi prichinnosti. Kiev, 1914.
6. Kant I. Antropologiya s pragmaticheskoi tochki zreniya // Sobr. soch.: V 6 t. T. 6. M., 1996.
7. Kun T. Struktura nauchnykh revolyucii. M., 1997.
8. Losskii N.O. Chuvstvennaya, intellektual'naya i misticheskaya intuiciya. M., 1995.
9. Losskii N.O. Osnovnye ucheniya psihologii s tochki zreniya volyuntarizma. SPb., 1903.
10. Maslou A.G. Dal'nie predely chelovecheskoi psihiki. SPb., 1997.
11. Naimark E. Uvidet' mysl' // Novyi mir. 2010. № 11.
12. Rubinshtein S.L. Osnovy obshei psihologii: V 2 t. T. 1. M., 1989.
13. Florenskaya T.A. Dialog v prakticheskoi psihologii. Nauka o dushe. M., 2001.
14. Frank S.L. Real'nost' i chelovek. M., 1997.
15. Mounier E. Le Personnalisme. Paris, 1951.